

О понятии «экология культуры»: история и современное состояние¹

Юлий Асоян

Понятие «экология культуры», появилось в контексте того, что в современном языке имеет название *heritage studies*. Существительное «экология» использовалось в этом термине первоначально как метафора «средового подхода» в целом, и эта исходная метафоричность термина объясняет множество разнонаправленных и весьма далеко уводящих интерпретаций (о чем подробно будет сказано ниже). Тем не менее даже в работах Дмитрия Сергеевича Лихачева, предложившего в свое время данное понятие, интересна тенденция к более строгой и последовательной экологизации его содержания. Оставаясь до сих пор весьма многоплановой, не слишком определенной и разнонаправленной категорией российской гуманитаристики, экология культуры может быть полезным «рамочным термином» в контексте именно городских исследований; последние, в свою очередь, могли бы быть местом актуальной пересборки данного понятия (его проблематизации в поле городских исследований). Предлагая видение истории этого понятия, автор данной статьи исходит именно из этой оптики, позволяющей как отказаться от надуманной и бесплодной избыточности, столь характерной для ряда интерпретаций содержания данного термина, а с другой стороны, открыть, возможно, новую и более релевантную перспективу его использования в поле городских исследований и практик. Именно этой цели и служит предлагаемая в статье история «экологии культуры», содержащая, помимо прочего, и некоторые личные воспоминания, призванные лишь по-своему ввести читателя в курс дела.

1. Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Энвайронментализм и экокритицизм в гуманитарных науках» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Асоян Юлий Арамович, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории культуры, факультет культурологии, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская пл., 6.
E-mail: assoyan@mail.ru

В статье рассматривается история понятия «экология культуры». Данное понятие в 1979 году предложил Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999). Он трактовал его как синоним нравственной экологии. Используемая в статье оптика «истории понятий» разворачивается в трех аспектах: генеалогическом, институциональном и эпистемологическом. В российской истории данного понятия автор видит цезуру рубежа 1990–2000-х годов. В 1990-е годы в разработке идеи экологии культуры заметную роль сыграл известный российский искусствовед и философ Олег Игоревич Генисаретский (1942–2022). Он разрабатывал понятие экологии культуры для продвижения культурно-экологического подхода в проектной (дизайнерской) деятельности. Начиная с середины 2000-х, несмотря на существенную поддержку проекта экологии культуры в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Лихачева, данное понятие все больше приобретает черты мемориального; обращение к нему в основном приурочено к юбилейным годовщинам Лихачева. Однако еще более существенной уязвимостью постлихачевской экологии культуры оказывается ее спекулятивный характер – тенденция к производству в ее рамках все новых и новых терминов. Появление в 2010–2020-е годы в связке с «экологией культуры» в российском гуманитарном пространстве таких нестрогих и недостаточно проработанных понятий, как «лингво-экология» или «экология образования», скорее девальвирует эпистемологическое и проектное содержание термина «экология культуры», нежели действительно развивает его. Перспективы предложенного Лихачевым понятия видятся не в выделении экологии культуры как еще одного поля обширных околугуманитарных изысканий и не в оптике нравственной экологии, а во включении данного понятия в практику современных энвайронментальных и экокритических подходов, включая городские исследования.

Ключевые слова: история понятий; экология культуры; нравственная экология; Лихачев; энвайронментализм

В 1986 году по окончании университета автор данной статьи получил распределение в Институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР (г. Улан-Удэ) и начал работать в должности стажера-исследователя в секторе социологии. Бурятский институт общественных наук (БИОН) представлял собой компактное учреждение (общее число сотрудников немногим более 100 человек, место расположения – два неполных этажа Т-образного здания научного центра). Вместе с тем это довольно многоплановая исследовательская ин- ституция, ориентированная на комплексное изучение истории и современ- ного состояния культуры соответствующего региона (ныне это Республика Бурятия, а во второй половине 1980-х – Бурятская АССР). Институт объединял в своем составе представителей гуманитарных и социальных наук – историков, этнографов, лингвистов, фольклорис- тов, религиоведов, искусствоведов, археологов. Его основным иссле- довательским профилем было, пожалуй, бурятиеведение. Вместе с тем заметное место в БИОНе по традиции занимала и более широкая во- стоковедческая проблематика. В институте работали известные, в том числе и далеко за пределами своего региона, исследователи – буддо- логи, монголоеды, тибетологи, поэтому с 1997 года БИОН получил более соответствующее новое наименование: Институт монголоведе- ния, буддологии и тибетологии – ИМБТ СО РАН.

Во второй половине 1980-х в атмосфере перестройки одним из нервов общественной жизни оказалась экологическая повестка; на вопросы экологии так или иначе откликались различные слои об- щественности – случившаяся незадолго до этого катастрофа на Черно- быльской АЭС была существенным, хотя и не единственным «драйве- ром» экологической повестки. В Бурятии, так же как и в соседней Иркутской области, проблема загрязнения озера Байкал и прилегаю- щих территорий стала в какой-то момент острой темой публицистики; в атмосфере гласности она регулярно обсуждалась в региональных средствах массовой информации. Неудивительно, что прямо или кос- венно это начинало входить в тематику исследовательского поля пред- ставителей гуманитарных наук². Одним из концептов, неизменно при- сутствовавших в обсуждениях того времени, было так называемое экологическое сознание, но в оборот вводились и другие понятия: го- ворили об экологической этике и экологической культуре, о значении изучения экологических традиций различных народов. Формировав- шаяся культурологическая практика изучения последних не столько ориентировалась на рассмотрение самих способов хозяйственного природопользования, сколько тяготела к установлению их культурных значений, а также их экологических проекций.

Поэтому неудивительно, что первая работа, в которой мне как мо- лодому сотруднику предложили участвовать (инициатива исходила от исследователя чань-буддизма Николая Абаева [Абаев, 1989]), со- стояла в обсуждении понятия культурно-экологической традиции. Речь шла не столько о производстве нового культурологического термина, сколько об эпистемологической рамке, значимой для формирования оптики историко-этнографического исследования [Асоян, 1990]. Чуть позже в институте обсуждалась программа изучения культуры байкаль- ского региона. Экологическая тематика присутствовала и в ней – как в качестве одной из проекций перспективных исследований, так и в более широком контексте, связанном с обновлением актуальности

---

2. В позднем СССР в неофициальной проблематизации экологической повестки до- вольно часто присутствовали и ощущались этнонациональные, а во многих республиках и антиколониальные мотивы. В ситуации Бурятии в описываемый период это измерение если и присутствовало в дискурсивном поле «экологического», то лишь в самой незна- чительной степени. Попытка такой постановки вопроса пресекалась как некорректная, воспринималась в штыки не только на властном, но и на более широком общественном уровне.

текущих работ по традиционным исследовательским направлениям. Будучи в составе небольшой исследовательской группы под руководством Ирины Урбанаевой [Урбанаева, 1995], участвовавшей в разработке и представлении данной программы, мы искали возможности для осуществления перспективных эколого-культурных исследований региона, проявляли заинтересованность к их теоретической рамке, связанной с выбором актуальных понятий. Хотя термины «экоантропология» и «экоистория» еще не встречались в советской исследовательской литературе того времени, ощущение движения в сторону данной проблематики было очевидным.

Одним из важных и уже известных на тот момент времени понятий был введенный в американской антропологии термин *cultural ecology*³. Насколько помню, в интерпретации этого понятия сам я скорее опирался на довольно поверхностные общие знания и пресловутый здравый смысл, чем на исследовательскую литературу⁴, доступность которой была связана с рядом ограничений (доступ к центральным библиотекам ограничивался условиями межбиблиотечного абонемента либо довольно непростым способом оформить официальную командировку в столицы). Вот в этом контексте не совсем систематичных «эколого-культурных поисков» и состоялось во второй половине 1980-х мое знакомство со статьей Дмитрия Сергеевича Лихачева, в которой говорилось об экологии культуры. Название статьи казалось многообещающим: в работе хотелось увидеть столь востребованную экологическую проблематизацию культуры или знания о ней (сейчас я пользуюсь, разумеется, современным языком, которым вряд ли обладал в описываемое время). Однако, получив в библиотеке книгу со статьей с таким притягательным названием, я был, прямо сказать, несколько огорчен (полагаю, что это слово вполне описывает мое тогдашнее восприятие работы). Статья не отвечала на интересовавшие меня вопросы, хотя при этом ставила совершенно другие, значимость которых я не собирался (и не собираюсь сейчас) опровергать или оспаривать.

В любом случае, как тогда представлялось, лихачевская «экология культуры» вводила в иное от интересовавшего всех тех, кого занимала культурная экология, направление. Проблема виделась не только в том, что предложенный Лихачевым тер-

мин – «экология культуры», такой многообещающий и важный – на самом деле скорее метафоризировал экологическую тему, применяя к социальным и культурным средам экологическую метафору. Как представляется, дело заключалось также и в том, что в еще не сложившемся и нуждающемся в оформлении поле экотерминологии гуманитарных наук ячейка, на которую мог претендовать этот интересный и значимый термин, оказалась занята интерпретацией, двигавшейся в иную сторону (где слово «экология» фактически использовалось как метафора среднего подхода к культуре в целом). Здесь надо оговориться: фигура Лихачева для гуманитариев позднесоветского времени, и для меня в том числе, была так значительна, а авторитет так велик, что оспаривать предложенную им интерпретацию экологии не представлялось уместным. Поэтому в то время, после знакомства со статьей, я попросту исключил ее для себя из актуальной литературы на экокультурную тему. И лишь теперь, по прошествии многих лет, в связи с участием в проекте по энвайронментализму в гуманитарных науках, решил к ней вернуться, заодно пересмотрев, что было сделано исследователями в развитии введенного Лихачевым концепта «экология культуры».

В этой работе нас будет интересовать то, как за прошедшее время изменилась – если изменилась – концептуальная и эвристическая рамка введенного Лихачевым понятия. Предлагаемый вниманию читателя текст будет разворачиваться в оптике истории понятий, и здесь нас будут занимать три относительно самостоятельных аспекта: генеалогический, институциональный и собственно эпистемологический (концептуальный). Генеалогический аспект предполагает рассмотрение происхождения интересующего нас понятия в интеллектуально-историческом (академическом и публицистическом) контексте. Однако не менее важным и значимым будет и институциональное рассмотрение: «Понятия – это социальные институты», – отмечает в «Грамматике порядка» автор проекта исторической социологии понятий Александр Бикбов: «Данная интуиция столь же продуктивна в интеллектуальном отношении, сколь опасна в политическом». Господствующая тенденция «склоняет нас видеть в понятиях просто слова» [Бикбов, 2014] – институциональный аспект понятия бывает вынесенным за скобки⁵. Между тем,

3. Термин «культурная экология» (*cultural ecology*) был введен американским антропологом Джулианом Стюартом (1902–1972) в работе «Теория культурного изменения» [Steward, 1955], включавшей специальный раздел о культурной экологии (*The Concept and Method of Ecology*, р. 30–42). В его понимании предметом культурной экологии была этническая экология [см.: Козлов, 1994]. Как область антропологического исследования культурная экология представляет собой «изучение процессов адаптации общества к окружающей среде», ее задача первоначально виделась в «выяснении того, дают ли эти процессы адаптации начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера» [Липец, 2017]. Одним из первых, после Стюарта, термин *cultural ecology* использовал в своей работе антрополог из Стэнфордского университета Чарльз Фрэйк [Frake, 1962].

4. Отдельных самостоятельных работ по этноэкологии в советской этнографии в то время еще практически не было, хотя имплицитно тема, безусловно, присутствовала в целом ряде этнографических исследований. Едва ли не первой публикацией, в которой рассматривалась эта тема, можно считать статью В. Козлова «Основные проблемы этнической экологии» в журнале «Советская этнография» [Козлов, 1983] – в начале текста сказано, что эта работа представляет собой «первую попытку рассмотрения этнической экологии».

5. Александр Бикбов приводит пример перевода на русский язык самой известной и значительной работы Эмиля Бенвениста. Речь идет о его *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*. В русском издании словаря «институты переводятся как термины» [Бикбов,

как мы постараемся показать ниже, в отношении экологии культуры институциональное поле имеет существенное эпистемологическое значение.

Вместе со статьей «Экология культуры» в 1980-е мне довелось ознакомиться и с другими статьями Лихачева из сборника «Прошлое – будущему» [Лихачев, 1985]. Большинство текстов сборника имеют научно-публицистический характер. Это в полной мере относится и к статье об экологии культуры. Симптоматично, что первая публикация данного текста состоялась в журнале «Москва» в 1979 году: ни прежде, ни сейчас «Москва» не представляет собой академическое издание, это журнал литературный и публицистический, ориентированный на широкий круг читателей, учредителями издания были Союз писателей РСФСР и его московское отделение (с 1993 года издание имеет подзаголовок «журнал русской культуры»). Подтверждением научно-публицистического характера работы явились и ее многочисленные повторные публикации в журналах «Памятники отечества» (1980), «Знание – сила» (1982), «Клуб и художественная самодеятельность» (1984). В наиболее позднем авторском издании текста – сборнике работ «Русская культура» – есть любопытный комментарий самого Лихачева о том, что этот термин впервые вводился им в *иностранной прессе* [Лихачев 2000, с. 423] (хотя ссылки на соответствующие издания не приводятся). Публицистическую рамку восприятия усиливает простота изложения, доверительная интонация, а также широта взгляда, соединяющая «культурное и природное», «родное» и «вселенское».

В этом смысле напоминание некоторых мест из первоначальной публикации представляется не только уместным, но и необходимым. Лихачев пишет: «любовь к родному краю, родной культуре, родному селу или городу – начинается с малого – с любви к своей семье, к своему жилищу, к своей школе. Постепенно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своей стране – к ее истории, ее прошлому, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре» [Лихачев, 1985, с. 49]. Симптоматично, что автор тут же, в самом начале статьи, заводит речь об *интернационализме* – очень советском понятии из того времени. «Истинный патриотизм – это первая ступень к действенному интернационализму. Когда я хочу представить себе истинный интернационализм, я воображаю себя смотрящим на нашу Землю из мирового пространства. Крошечная планета, на которой мы все живем, бесконечно дорогая нам и такая одинокая среди галактик, отделенных друг от друга миллионами

световых лет» [Лихачев, 1985, с. 49]. Предлагаемая Лихачевым трактовка интернационализма не вполне официальна, она выводит читателя за рамку советского идеологического дискурса, ведет его в пространство планетарного. И она очень близка и созвучна духу русского космизма.

Итак, впервые опубликованная еще в 1979 году, а позже неоднократно переизданная, статья Лихачева об экологии культуры не имела собственно академического характера. Эту статью исследователи Лихачева справедливо включают в публицистическую часть его наследия, что, разумеется, никоим образом не снижает ее значимости. Статья заканчивалась выдвиганием амбициозной задачи, предусматривающей выделение особой области научных поисков, объединенной рамкой экологии культуры. Этому предложению предшествует целый ряд тезисов: «наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией и как дисциплина начинает уже сейчас преподаваться в университетах. Но экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос о *нравственной экологии* не только не изучается, он даже не поставлен нашей наукой» [Лихачев, 1985, с. 50, 62].

Важно отметить, что экология культуры выступает в статье в качестве синонима нравственной экологии. В современной энвайронментальной антропологии сфера этического (новой экологической этики) так или иначе занимает очень значимое – возможно, даже узловое – место. И тем не менее, говоря о нравственной экологии, Лихачев имеет в виду не выделение каких-то специальных сфер экологической этики, и речь у него, конечно, не об экологической трансформации современного этического дискурса как такового. Его обеспокоенность состоит в заботе по поводу нравственных устоев современной жизни. Возможно ли, что тезис Лихачева о *нравственной экологии* встретил возражения, и были ли это возражения экологов? В отсутствие документальных подтверждений об этом остается только догадываться. Однако в итоговой публикации текста⁶

2014, с. 9]. Для нас это может быть стимулом движения в обратном направлении, когда те или иные термины (в том числе и существующие в академическом пространстве) распознаются еще и как социальные институты.

6. Существует две версии текста «Экология культуры». Одна версия – это статья советского времени (журнальные публикации 1979, 1980, 1982 и 1984 годов. Идентичный текст помещен в издании «Прошлое – будущему» [Лихачев, 1985]. Но наряду с этой ранней версией текста существует и более поздняя, представляющая собой значительно переработанный и видоизмененный текст, более академический и концептуальный. Он помещен в итоговый сборник трудов «Русская культура», увидевший свет уже после кончины Лихачева [Лихачев, 2000, с. 91–102]. С частичными сокращениями эта версия текста была перепечатана в журнале «Экология и жизнь» в 2012 году [Лихачев, 2012]. В поздней (1990-х годов) глубоко переработанной версии текста «Экология культуры» пассаж о «действенном интер-

«Экология культуры» Лихачев отмечает, что «в свое время предложил осторожный термин для защиты человеческой культуры – экология культуры, встретивший первоначально некоторые возражения, но впоследствии принятый и распространившийся широко в научной и публицистической прессе. Экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа – дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком» [Лихачев, 2000, с. 92]. В этом толковании культурное и природное выступают как две стороны общей локальной ойкумены; это две взаимообуславливающие среды, составляющие вместе единую – третью – среду.

В понимании Лихачева, культурная экология – «это и произведения архитектуры, различных искусств, литературы в том числе, это и язык, это и все культурное наследие человечества. Выбросите что-либо из сферы экологии культуры, – пишет он, – и человек лишится части своего «дома». Поэтому заботы экологов, – полагает он, – должны распространяться не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре. Объединение под одним названием «экология» двух ее частей – экологии природы (с человеком) и экологии культуры (тоже с человеком), – утверждает Лихачев, – тем более разумно, что очень часто природа и культура страдают от общих причин. И отношение к природе, и отношение к культуре требуют общих правил нравственности, общего осознания человеком себя как части природы и культуры. Человек – часть природы, и отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы «самосознание вселенной», лишает смысла существования не только человека, но и все сущее. *Такую обезглавленную природу не будет смысла сохранять*» [Лихачев, 2000, с. 98]. (Курсив мой. – Ю. А.) Вряд ли можно сомневаться, что, с точки зрения современных энвайронменталистов, последнее утверждение будет воспринято как неэкологичное, идущее вразрез с энвайронментальной этикой, поддерживающее столь оспариваемую ныне претензию на «человеческую исключительность» [Шефер, 2010]. Пожалуй, что оно воспринималось бы таковым уже и в 1990-е годы.

Однако не будем торопиться с выводом (ведь в экологии культуры все довольно амбивалентно). Согласно Лихачеву (в этой, более поздней, публикации 1990-х), «в истории существуют три этапа подхо-

да к проблеме природы и культуры. Первый этап, который мы прошли, – насильственного изъятия у природы всего насущно необходимого. Второй этап, к которому мы переходим, – разумного изъятия с «оглядкой», но также насильственного». Лишь третий этап – возможно, отдаленного будущего – рисуется как период «полного прекращения насилия над природой и культурой и сосуществования общего, союзного» [Лихачев, 2000, с. 98]. Три эти этапа, полагает Лихачев, были намечены еще в работе Владимира Соловьева «Оправдание добра»: «цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания... а совершенствование ее самой – оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. Способы не могут быть здесь указаны, они составляют задачу искусства (в широком смысле греческой *techne*). Но прежде всего важно отношение к самому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни» [Лихачев, 2000, с. 100]. Ссылка на философию всеединства Владимира Соловьева весьма показательна с точки зрения области обоснований и самого дискурсивного поля «экологии культуры». Другим важным концептуальным персонажем в ее обосновании неизменно выступает Владимир Вернадский с его известными парными категориями биосферы и ноосферы⁷.

Первый отечественный аналитический обзор состояния исследований по экологии культуры был подготовлен еще в 1990 году в секторе культурологии Института научной информации по общественным наукам [Левит, 1990], а в 1991 году советский и российский искусствовед и философ Олег Игоревич Генисаретский применил предложенное Лихачевым понятие об экологии культуры к обсуждению идей проектной культуры [Генисаретский, 1991]. Работа была выполнена во Всероссийском научно-исследовательском институте технической эстетики (ВНИИТЭ). Вообще говоря, Генисаретского в каком-то смысле можно считать соавтором лихачевского концепта экологии культуры. К этому понятию он обратился прямо вслед за Лихачевым в 1979 году [Генисаретский, 1979], а в публикациях 1990-х, выпущенных во ВНИИТЭ, широко использовал концепт «экология культуры», причем в довольно операциональном смысле: как не только фундаментальное, но и прикладное понятие – моде-

---

национализме», приведенный в начале нашей статьи, как и многие-много другие фрагменты, был исключен из публикации. Зато добавились новые понятия, включая концепт «культурной политики». Идея осталась прежней, но текст – другой!

7. В работах 1990-х годов Лихачев вспоминает Вернадского неоднократно. Он отталкивается от его идей в своей работе о концептосфере русского языка, написанной в 1993 году и ставшей хрестоматийной для российских лингвокультурологов: «термин „концептосфера“ вводится мною по типу терминов Вернадского „ноосфера“, „биосфера“ и пр.» [Лихачев, 1997, с. 287] В обновленном в 1990-е годы варианте статьи об экологии культуры Лихачев пишет: «В свое время В. И. Вернадский предложил понятие „ноосфера“, имея в виду, что сфера человеческого влияния есть сфера влияния разума (от греч. *noos* – „разум“). История, однако, демонстрирует в большей степени неразумное и разрушительное влияние человека, чем разумное. Поэтому я предложил более скромный термин – „гомосфера“ – сфера влияния и воздействия на окружающий мир человеческой деятельности – как разумной, так и неразумной» [Лихачев, 2000, с. 287].

лирующее культурно- и эколандшафтный подход в проектной и дизайнерской деятельности⁸. «В 1970-е годы в атмосфере природоохранительного движения, – вспоминал он, – распространение получил средовой подход, основанный на погружении проектируемого объекта в ту или иную среду (пространственно-предметную, знаковую, энергетико-символическую) и на удовлетворении критериев «улучшения средовой обстановки» в связи с внедрением в нее создаваемого объекта. Скоро обнаружилась связь экологических проектов с культурологическими, поскольку для них исходным оказывается берегающее и восстанавливающее отношение к природным и культурным ценностям, интегрирующее включение каждого объекта в среду как воспроизводимое целое» [Генисаретский, 1994].

В отечественной истории понятия «экология культуры», на наш взгляд, довольно отчетливо наблюдается определенная цезура рубежа 1990–2000-х годов. Вполне вероятно, что она связана со смертью Лихачева, наступившей в 1999 году. И дело совсем не в том, что уход Лихачева мог прервать исследовательский интерес к экологии культуры. Анализ публикаторской активности скорее говорит об обратном. Уже довольно беглый взгляд на литературу, использующую концепт экологии культуры, показывает существенный рост публикаций на эту тему в 2000-е годы. Однако именно в это время – точнее, начиная с середины 2000-х – интересующее нас понятие в значительной мере приобретает черты *мемориального*; видимо, не случайно обращение к теме экологии культуры так часто оказывается приурочено к юбилейным годовщинам Дмитрия Сергеевича Лихачева. Во всяком случае, бросается в глаза высокая степень корреляции публикаций по теме с юбилейными событиями: 100-летним и 110-летним юбилеями со дня рождения Лихачева, отмечавшимися в 2006 и 2016 годах. Поскольку издательская машина не столь оперативна, постольку юбилейные труды и монографии выходили, как правило, в 2007 и 2017 годах соответственно.

Еще одно отличие, отчасти связанное с первым. Если в 1990-е годы в разработке понятия «экология культуры» заметная роль принадлежала институту технической эстетики (ВНИИТЭ), и особенно работавшему в нем Олегу Генисаретскому, то в 2000-е еще одним важным центром продвижения идей экологии культуры становится Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия – после смерти Лихачева в 1999 году институт был назван его именем. Не будет преувеличением сказать, что инициатива в развитии идей экологии культуры – что все более заметно в последнее время – в значительной мере оказалась «в поле компетенции» Института наследия, что, конечно, неудивительно, если иметь в виду принципиальное совпа-

дение направления лихачевской экологии культуры и исследовательского профиля Института наследия. В 2017 году институтом издан сборник материалов конференции ««Экология культуры» – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры». Сама конференция состоялась в 2016 году и была приурочена к 110-летию юбилею со дня рождения Лихачева. Впрочем, из двух десятков статей сборника только две-три работы в действительности прямо и непосредственно обращаются к заявленной теме экологии культуры, тогда как другие – о иных не менее важных аспектах наследия Лихачева [Экология культуры..., 2017; см. также: Экология культуры..., 2021].

Внимание к экологии культуры ныне в той или иной степени проявляют как университетские гуманитарии, так и педагоги в школе, библиотечные работники. Но насколько это понятие (и стоящее за ним знание) востребовано, например, городскими проектировщиками – это вопрос. И, видимо, вопрос этот не только и даже не столько к последним, но и к тем, кто «проектирует» саму экологию культуры (а это – философы, культурологи, историки). В этой связи позволим себе наблюдение об одном весьма сомнительном проекте экологии культуры. В Институте стран Азии и Африки МГУ на протяжении двух десятков лет (с 1993 по 2014 год) осуществляла свою деятельность *научно-поисковая лаборатория «Экология культуры Востока»*. Руководство ею осуществлялось заслуженным профессором МГУ, синологом-востоковедом Зинаидой Лапиной (1934–2018). Сотрудники лаборатории участвовали в ежегодно проводимых Ломоносовских чтениях (так, на чтениях 2004 года Лапина представляла доклад «Экология культуры как система понятий»), более того, в рамках все тех же Ломоносовских чтений в 2013 и 2014 годах лабораторией проводились секции по экологии культуры Востока. И вот одним из результатов деятельности научно-поисковой лаборатории явилась публикация в 2007 году 900-страничной монографии «Экософия духовной культуры будущего» [Лапина, Шилин, 2007]. А другим – стала книга с живописным, хотя и весьма загадочным названием «Живой университет Японо-Руссии будущего – гармония климата планеты (эко-культурологические основания)» [Лапина, Шилин, 2010].

На фоне подобной «экософской» (но все равно довольно оглушительной) версии экологии культуры успехи проекта экологии культуры в Петербурге могут показаться гораздо более тихими и незаметными. Относительно недавно – в 2022 году – в Санкт-Петербургском университете вышел сборник работ «Экология культуры: Природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве» [Экология культуры..., 2022]. Сборник (его тираж – 300 экз., а до-

8. В 1993 году во ВНИИТЭ состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения – первая и пока единственная докторская диссертация по экологии культуры дизайна [Кондратьева, 1993]. Заявленная исследовательская цель работы – «формирование культурно-экологического подхода в дизайне» [Кондратьева, 1993, см. также: Кондратьева, 2000].

ступ к электронной версии действует с ограничениями) составлен на основе двух международных семинаров, состоявшихся еще в 2017 году и посвященных, как полагают организаторы сборника, проблемам экологии культуры. Для этого издания характерно, что название «Экология культуры...» выбрано инициаторами семинаров и издателями соответствующей книги скорее как рамочное – удобное, но никак особо не прорабатываемое, а оттого как бы готовое. Работа объединила тексты историков культуры и философов, ставящих вопросы вполне традиционные, но оттого не становящиеся менее важными; а именно – об осмыслении и отношении к природе в христианской европейской и русской цивилизации и культуре. Все это можно и равно полезно обсуждать, притом не обязательно прибегая к понятию «экология культуры». Поэтому применение рамки экологии культуры в этом проекте может выглядеть не вполне убедительным. Однако здесь есть и безусловная интрига, связанная с тем, что выбор рамочного понятия – даже если оно не является отрефлексированным и концептуально проработанным⁹ – становится ориентиром трансформации нарративного построения. Для вполне традиционных историко-культурных сюжетов и тем это оказывается довольно важным.

Раз уж речь зашла о Петербурге, стоит отметить еще одну его значимую «опцию» в продвижении экологии культуры. Она связана с регулярно проходящими здесь культурологическими конгрессами. Один из последних – V Российский культурологический конгресс – состоялся в ноябре 2021 года. Он проводился под эгидой уже упомянутого выше Института наследия и Министерства культуры. На конгрессе работала специальная секция экологии культуры [V Российский культурологический конгресс с международным участием, 2021]. Среди ее вопросов: «Научный статус экологии культуры; взаимодействие естественно-научных и гуманитарных дисциплин <...> в деле сохранения этических основ современного общества» а также «Теоретическое осмысление перспектив и путей разрешения современных глобальных кризисов природопользования». Докладчики – как это часто бывает – не следовали данному вопросному листу секции, а знакомили со своими темами, в которых присутствовала по-разному понятая экология культуры. В концептуальном смысле наиболее значимый доклад – и именно по экологии культуры – прозвучал не на секции с идентичным названием, а на пленарном заседании. Это доклад Игоря Вадимовича Кондакова. В названии его доклада «Культурология и биология: судьбы культурного и природного наследия» термин «экология культуры» отсутствовал,

а между тем трактовка кажется важной. Отталкиваясь от лихачевского понимания экологии культуры, Кондаков производит сцепку данного проекта с энвайронментальными подходами и по сути дела предлагает энвайронментальную рамку его рассмотрения. Представляется, что это как раз то, чего постлихачевскому проекту экологии культуры так недоставало все последнее время.

«Еще академик Д. С. Лихачев, – говорит Кондаков, – высказывал гипотезу, что существуют „культура природы“, „экология культуры“ и другие точки взаимодействия между культурным и природным наследием, которое необходимо рассматривать в едином историческом и ценностно-смысловом контексте. На наших глазах происходит расширение понятия „культура“, в содержание которого входят, с одной стороны, „предкультурные“ природные явления, в процессе эволюции приведшие к возникновению культуры, а с другой стороны – „сверхкультурные“ явления, принадлежащие к виртуальной реальности. Те и другие воспринимаются в едином формате, предполагающем неразличение природы и культуры. Соответственно меняется и представление о первичном культурогенезе, не ограничиваемся параметрами первобытного общества. Сегодня все чаще заходит речь о „культурогенезе до культурогенеза“, то есть о природных предпосылках культуры, о возникновении культуры до человека и человечества. Успехи этологии и генетики, эволюционной антропологии, этногенетических и гендерных исследований свидетельствуют о различных феноменах „нечеловеческой культуры“ (например, „культуры животных“ и видовых субкультур животного и даже растительного мира), о различных коммуникативных механизмах, существующих в природном мире. Все эти феномены еще только начинают изучаться – как с точки зрения биологии, так и с точки зрения культурологии, семиотики и антропологии» [Кондаков, 2021, с. 32]. Проецируя гипотезу экологии культуры Лихачева на плоскость энвайронментальной антропологии, Кондаков предлагает перспективную эпистемологическую рамку для ее нового прочтения.

От высокого уровня теории вернемся еще раз к весьма приземленной теме петербургского вклада в дисциплинарное пространство экологии культуры. «Лихачевская» тема вообще и его экологии культуры в частности давно поддерживается Гуманитарным университетом профсоюзов, возглавляемым профессором Александром Запесоцким (автором монографии о Лихачеве [Запесоцкий, 2007]). В университете ежегодно проводятся масштабные Лихачевские чтения. Но что не менее важно – создан портал «Площадь Лихачева», в котором пред-

9. «Понятия гуманитарных теорий, – отмечает С. Н. Зенкин, – в отличие от понятий точных наук, обычно возникают не после, а до уяснения их содержания. Если математики, с самого начала договорившись о значении какого-либо термина, в дальнейшем пользуются им без дискуссий, в ходе синтетических процедур, то философы или историки обычно имеют дело с уже данным в языке, не вполне терминологизированным словом, и их аналитические процедуры как раз и призваны прояснить это слово – „миф“, придать ему пусть и не строго однозначное, но хотя бы рационально осмысленное значение» [Зенкин, 2012, с. 137].

ставлены весьма качественные и легко доступные электронные издания его текстов, собирается литература на лихачевскую тему. Благодаря этому ресурсу в этой работе нам довольно быстро удалось установить наличие двух сильно разнящихся между собой версий его «экологии культуры», имеющих одно и то же дублирующее название. Речь идет о двух вариантах статьи «Экология культуры», относящихся к советскому и уже новому российскому периодам времени соответственно. Эти два несопадающих текста, но с одинаковым названием достаточно хорошо показывают изменения в языке и взгляде Лихачева на экологию культуры. И стоит отметить, что итоговая публикация – все же более энвайронментальная, чем исходная, первая. Упомянутый портал, видимо, нуждается в дальнейшем развитии – было бы полезно, чтобы он не только аккумулировал тексты собственно лихачевских исследований, но и работы, развивающие идеи Лихачева (например, по тематическим рубрикам, включая, разумеется, и экологию культуры тоже) – тогда он приобрел бы в полной мере характер не только информационного, мемориального, но и эвристического проекта.

В целом можно сказать, что если в 1990-е годы публикаций по экологии культуры еще относительно немного, то после смерти Лихачева, и особенно с середины 2000-х, это количество возрастаеткратно [Бакирова, 2006; Кузнецова, 2017; Устюгова, 2013 и др.]. Среди многочисленных публикаций – не только отдельные статьи российских исследователей или коллективные монографии, но также и выполненные диссертационные работы (на соискание ученых степеней кандидата философских наук и культурологии [Ставицкая, 2014; Калабухов, 2007 и др.]). И в этом смысле культурологическая индустрия экологии культуры может рассматриваться как «набирающая обороты». При этом в ней за редкими исключениями отсутствует проектная составляющая, о месте которой в связи с экологией культуры говорил в свое время Генисаретский. Одним из немногих практических проектов, реализуемых все тем же Институтом природного и культурного наследия, является проект, связанный с изучением и сохранением целостной среды усадебных комплексов. Они рассматриваются, изучаются и оберегаются как ландшафтные и культурные памятники. Ценность данного проекта видится в том, что он по духу оказался не только эколого-культурный сам по себе, но также и основательно «лихачевский» (ведь и известную «Поэзию садов» Лихачева тоже стоило бы обсуждать в контексте идеи экологии культуры, на что сейчас, в этой статье, у нас уже не остается места).

В российском культурологическом проекте экологии культуры есть, как принято обычно говорить, свои слабые и сильные стороны – некоторые реальные достижения и вполне очевидные или даже громкие (экософские) провалы, определенно существующие перспективы и свои опасности. Одна

из опасностей – или, по крайней мере, ловушек – видится в том, что публикаторскую деятельность по теме экологии культуры за последние годы поразила (если только позволить себе эту экокультурную метафору) своеобразная эпидемия терминов творчества или изобретения концептов.

Производство экологически-культурных терминов оказываются вовлечены и уже состоявшиеся ученые, и молодые исследователи, производящие на свет все новые и новые дисциплины, почти неизменно оказывающиеся в лоне отечественной экологии культуры или, напротив, расширяющие ее рамки. Так в контексте экологии культуры принято говорить об «экологии языка», а иногда и об «экологии имени». В последние годы в ту же рамку экологии культуры пытаются встроить (а то и втиснуть) «лингвозкологию» и «эколингвистику». Насколько эти попытки будут успешными или нет, разумеется, покажет время, но пока некоторые из предлагаемых понятий выглядят не только непроработанными, но и околонучными (что невольно вызывает в памяти историю марризма в языкознании. Но только если у Марра все вращалось вокруг стадияльного глоттогенеза, то тут – вокруг экологии языка).

У Лихачева в его экологию культуры включен и феномен языка, который тоже нас окружает, и «дом». В современном российском производстве экологии культуры говорится о лингвозкологии [Сковородников, 2019; Курашкина, 2017]. Хотя становление этой дисциплины связывают с подходами американского лингвиста Эйнара Хаугена (1906–1994) [Haugen, 1972], однако в российском контексте ее размещают также и в пространстве экологии культуры. «Лингвистическая экология – название этой науки, – пишет Елена Семчук, – двояко: и лингвозкология, и эколингвистика». Главной задачей лингвозкологии в предлагаемой интерпретации оказывается «диагностика современного состояния языка, языкового и информационного пространства с целью сохранения, оздоровления и реанимирования разрушенных языковых компонентов и явлений, а также изучение языковой личности как носителя языка и творца речевой, коммуникативной деятельности, *усилия которой следует направлять на создание положительного биоэнергетического поля и формирование гуманистического инвайронментального образа мышления*» [Семчук, 2019, 1234] (Курсив мой. – Ю. А.) В этой связи остается с опаской ожидать, какие еще нетривиальные интерпретации могут подстергать нас в будущем. Например, в связи с популяризацией идеи об экологии образования, также позиционируемой в качестве составной части экологии культуры. Не обернется ли это, скажем, экокультурно мотивированными «чистками» в образовательной сфере? При кажущейся абсурдности подобного предположения оно может оказаться вполне реальным, если учесть весьма консервативную риторику и культурную оптику

части публикаций на темы «экологии образования и культуры»¹⁰.

Обращение к использованию концепта «экология культуры» в российской гуманитаристике показывает, что для производства знания по экологии культуры до недавнего времени была характерна довольно высокая степень самоизоляции в рамках этой «отечественной исследовательской индустрии». Работы российских авторов, пишущих на темы экологии культуры, за довольно редкими исключениями (об одном из них говорилось выше) демонстрируют малую степень включенности в энвайронментальную проблематику современной антропологии, что находит свое выражение в отсутствии существенных мостов и сопряжений с ней. Между тем поле для такой синопсии очевидным образом присутствует. В качестве примера стоит указать на то, что в образовательной программе студентов-культурологов есть соответствующий курс. На факультете культурологии Российского государственного гуманитарного университета такой курс – по выбору – читается на протяжении нескольких лет [Экология культуры, 2019] – и в нем находится место и лихачевской версии «экологии культуры», но также и проблематике «культурной экологии» или «этноэкологии» (в духе последователей Дж. Стюарта), и в не меньшей мере – чтению современных энвайронментальных текстов. Возможно, что такие университетские курсы могли бы стать одной из точек роста – или, как модно сейчас говорить, точкой сборки российской «экологии культуры», правда, в уже обновленном виде. Об этом, видимо, нужно напоминать с той большей настойчивостью, что представители энвайронментализма или экокритицизма все же проявляют некоторый встречный интерес к российской концепции экологии культуры – по крайней мере в наиболее доступном и открытом освоению «лихачевском» варианте [см.: Perkiomaki, 2021, с. 84, 95–97, 233], как являющему собой пример – или, если вспомнить еще и Константина Паустовского, то скорее даже один из примеров – своеобразного «русского энвайронментализма».

Источники

Абаев Н. В. (1989) Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука.

Асоян Ю. А. (1990) Реликты ранних представлений о природе в традиционной культуре бурят // Советская этнография. 1990. № 5.

Бакирова Д. (2006) Экология культуры и экология природы: точка расхождения в работах Д. С. Лихачева // Вестник Казанского ун-та культуры и искусств. № 3. С. 18–24.

Бикбов А. Т. (2014) Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М: Издательский дом Высшей школы экономики.

- Генисаретский О. И. (1979) Временные характеристики среднего поведения как проблема экологической эстетики // Творческие проблемы дизайна. М.: ВНИИТЭ. С. 62–65.
- Генисаретский О. И. (1991) Экология культуры. Теоретические и проектные проблемы. М.: НИИК.
- Генисаретский О. И. (1994) Деятельность проектирования и проектная культура. Предисловие к неизданной книге о проектной культуре // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 15.03.2007. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/2692>. (дата обращения: 06.01.2024).
- Запесоцкий А. С. (2007) Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: Наука.
- Зенкин С. Н. (2012) Культурология префиксов // Он же. Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение. С. 137–147.
- Калабухов Д. А. (2007) Экология культуры: культурно-антропологические аспекты. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к. филос. н. Белгород.
- Козлов В. И. (1983) Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. № 1. С. 3–16.
- Козлов В. И. (1994) Этническая экология. Становление дисциплины и история проблем. М.: ИЗА РАН.
- Кондаков И. В. (2021) Культурология и биология: судьбы культурного и природного наследия // V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие – от прошлого к будущему»: программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г. СПб., М.: Институт Наследия. С. 32–33.
- Кондратьева К. А. (1993) Экология культуры и проблемы гуманизации дизайнерского проектирования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения.
- Кондратьева К. А. (2000) Дизайн и экология культуры. М.: МГХПУ им. С. Г. Строганова.
- Кузнецова Т. Ф. (2017) Культурные константы и экология культуры // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 208–217.
- Курашкина Н. А. (2015) Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной области // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. С. 142–153.
- Лапина З. Г., Шилин К. И. (2007) Экософия духовной культуры будущего. М.: АИРО-XXI.
- Лапина З. Г., Шилин К. И. (2010) Живой университет Японо-России будущего – гармония климата планеты (экокультурологические основания). Часть 2. М.: Пробел-2000.
- Левит С. Я. (1990) Экология культуры. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН.
- Липец Е. Ю. (2017) Культурная экология: современные аспекты исследования этнической культуры // Научная мысль Кавказа. № 4. С. 42–46.
- Лихачев Д. С. (1985) Экология культуры // Он же. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука. С. 49–63.
- Лихачев Д. С. (1997) Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia. С. 280–287.
- Лихачев Д. С. (2000) Русская культура. М.: Искусство.
- Лихачев Д. С. (2012) Экология культуры // Экология и жизнь. № 6 (127). С. 37–39.
- Семчук Е. В. (2019) Лингвоэкология как междисциплинарная наука. С. 1234. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/63/9073/> (дата обращения: 08.01.2024).

10. «Экологизация <...> сознания, культуры и искусства, информации, – читаем в одной из российских публикаций на темы экологии культуры, – являются основанием выживания человечества в 21-м веке <...> Культурно-воспитательные учреждения обладают колоссальным и практически не используемым потенциалом в деле экологического воспитания населения, поэтому культура, искусство должны стать высокоэкологичными, духовными, очиститься от скверны губительной для души массовой культуры».

- Сковородников А. П. (2019) О некоторых нерешенных вопросах лингвоэкологии // Политическая лингвистика. № 5 (77). С. 1–14;
- Ставицкая Е. А. (2014) Экология культуры в отечественной культурологической мысли. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к. филос. н. Москва.
- Урбанаева И. С. (1995) Человек у Байкала и мир Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Устюгова Е. Н. (2013) Экология культуры: грани проблемы // Вестник СПбГУ. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-kultury-grani-problemy>. (дата обращения: 08.01.2024).
- Шефер Ж.-М. (2010) Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение.
- Экология культуры (2015) // Международный журнал исследований культуры. № 1(18).
- Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева (2017) // Научный сборник по материалам Международной юбилейной научной конференции «Экология культуры – учение о сохранении культурного наследия и вечных ценностей культуры: к 110-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева», 26 октября 2016 г. в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева / отв. ред. С. Ю. Житнев. М.: Институт наследия.
- Экология культуры: историко-научные, экологические, социокультурные, гуманитарные аспекты (2021) / отв. ред. А. Г. Назаров. М.: Ленанд.
- Экология культуры. (2019) Рабочая программа дисциплины. Направление подготовки 51.03.01. Культурология / сост. Ж. В. Уманская. М.: РГГУ.
- Экология культуры: Природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве. Сборник научных статей (2022) / под. ред. О. Б. Сокуровой, М. Н. Цветаевой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного ун-та.
- Эстетическое воспитание и экология культуры. Сборник статей (1988) / отв. ред. О. И. Генисаретский. М.: Советский художник.
- V Российский культурологический конгресс с международным участием (2021) «Культурное наследие – от прошлого к будущему»: программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г. СПб.; М.: Институт Наследия, 2021.
- Frake Ch. O. (1962) Cultural Ecology and Ethnography // American Anthropologist. New Series. Vol. 64. No. 1. Part 1. P. 53–59.
- Haugen E. (1972) The Ecology of Language. Stanford: Stanford University Press.
- Perkiomaki M. (2021) Imagined Riverography of Late Twentieth-Century Russian Prose. Academic Dissertation. Tampere University, Faculty of Information Technology and Communication Sciences.
- Steward J. H. (1955) Theory of Cultural Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Champaign, IL: University of Illinois Press.
- ON THE CONCEPT OF “ECOLOGY OF CULTURE”: HISTORY AND CURRENT STATE**
- Yuliy A. Asoyan**, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of History and Theory of Culture, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities (RSUH), 6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation.
E-mail: assoyan@mail.ru
- This article examines the history of the concept of “the ecology of culture”, which was introduced in 1979 by Dmitry Likhachev (1906–1999). He interpreted it as a synonym for “moral ecology”. The article unfolds the history of the concepts in three aspects: genealogical, institutional, and epistemological. In the Russian history of this concept, the author sees a break at the turn of the 1990–2000s. In the 1990s, Oleg Genisaretsky played a significant role in the development of the idea of ecology of culture to form and promote a cultural-ecological approach in project design activities. From the mid-2000s, despite significant support for the “ecology of culture” project at the Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, this concept has increasingly acquired the features of a memorial—the appeal to Likhachev is mainly timed to coincide with his anniversary. The appearance in the 2010s and 2020s, in connection with the “ecology of culture” in the Russian humanitarian space, of such vague and undeveloped concepts such as “linguistic ecology” or “ecology of education” discredit the epistemological and practical content of the term “the ecology of culture” rather than meaningfully developing it. The prospects for the concept proposed by Likhachev are seen not in highlighting the ecology of culture as another field of extensive near-humanitarian research, and not in “moral ecology,” but in the inclusion of this concept in the practice of modern environmental and ecocritical research.
- Keywords:** history of concepts; ecology of culture; moral ecology; Dmitry Likhachev; environmentalism.
- Citation:** Asoyan Yu. A. (2024) The Concept of “The Ecology of Culture”: History and Current State. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 3, pp. 30–41. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp93202430-41>

References

- V Rossiyskiy kul'turologicheskiy kongress s mezhdunarodnym uchastiem [V Russian Cultural Studies Congress with International Participation] (2021) 'Kul'turnoe nasledie—ot proshlogo k budushchemu': programma i tezisy dokladov [‘Cultural Heritage—From the Past to the Future’: Program and Abstracts of Reports]. St. Petersburg; Moscow: Institut Naslediya, November 8–10, 2021 (in Russian).
- Abaev N.V. (1989) Chan'-buddizm i kul'turno-psikhologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae [Chan Buddhism and Cultural-Psychological Traditions in Medieval China]. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Asoyan Yu.A. (1990) Relikty rannikh predstavleniy o prirode v traditsionnoy kul'ture buryat [Relics of Early Perceptions of Nature in the Traditional Culture of the Buryats]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1990, no 5 (in Russian).
- Bakirova D. (2006) Ekologiya kul'tury i ekologiya prirody: tochka raskhozhdeniya v rabotakh D.S. Likhacheva [Ecology of Culture and Ecology of Nature: Points of Divergence in the Works of D.S. Likhachev]. *Vestnik Kazanskogo un-ta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan University of Culture and Arts], no 3, pp. 18–24 (in Russian).
- Bikbov A.T. (2014) Grammatika poryadka. Istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotorye menyayut nashu real'nost' [Grammar of Order: Historical Sociology of Concepts That Change Our Reality]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).
- Ekologiya kul'tury (2015). *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Culture Studies], no 1(18) (in Russian).
- Ekologiya kul'tury [Ecology of Culture] (2019) *Rabochaya programma distsipliny. Napravlenie podgotovki 51.03.01. Kul'turologiya* [Syllabus for the Discipline. Training Direction 51.03.01. Cultural Studies]/compiled by Zh.V. Umanskaya. Moscow: RGGU (in Russian).
- Ekologiya kul'tury—uchenie o sokhraneni kul'turnogo naslediya i vechnykh tsennostey kul'tury: k 110-letiyu so dnya rozhdeniya akademika D.S. Likhacheeva [Ecology of Culture—the Doctrine of Preserving Cultural Heritage and Eternal Cultural Values: For the 110th Anniversary of the Birth of Academician D.S. Likhachev] (2017). *Nauchnyy sbornik po materialam Mezhdunarodnoy yubileynoy nauchnoy konferentsii 'Ekologiya kul'tury—uchenie o sokhraneni kul'turnogo naslediya i vechnykh tsennostey kul'tury: k 110-letiyu so dnya rozhdeniya akademika D.S. Likhacheeva', 26 oktyabrya 2016 g. v Rossiyskom nauchno-issledovatel'skom institute kul'turnogo i prirodnoogo naslediya im. D.S. Likhacheeva* [Proceedings of the International Anniversary Scientific Conference “Ecology of Culture—the Doctrine of Preserving Cultural Heritage and Eternal Cultural Values: For the 110th Anniversary of the Birth of Academician D.S. Likhachev”, October 26, 2016, at the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev]/ed. by S.Yu. Zhitnev. Moscow: Institute of Heritage (in Russian).
- Ekologiya kul'tury: istoriko-nauchnye, ekologicheskie, sotsiokul'turnye, gumanitarnye aspekty [Ecology of Culture: Historical-Scientific, Ecological, Sociocultural, and Humanitarian Aspects] (2021). Moscow: Lenand (in Russian).
- Ekologiya kul'tury: Priroda i chelovek v kul'turno-tsivilizatsionnom prostranstve. Sbornik nauchnykh statey [Ecology of Culture: Nature and Human in the Cultural-Civilizational Space. Collection of Scientific Articles] (2022)/ed. by O.B. Sokurov, M.N. Tsvetaevoy. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University (in Russian).
- Esteticheskoe vospitanie i ekologiya kul'tury. Sbornik statey [Aesthetic Education and Ecology of Culture. Collection of Articles] (1988)/ed. by O.I. Genisaretsky. Moscow: Sovetskiy khudozhnik (in Russian).
- Frake Ch. O. (1962) Cultural Ecology and Ethnography. *American Anthropologist. New Series*. Vol. 64. No. 1. Part 1. P. 53–59.
- Genisaretskiy O.I. (1994) Deyatelnost' proektirovaniya i proektnaya kul'tura. Predislovie k neizdannoy knige o proektnoy kul'ture [Design Activity and Project Culture: Preface to an Unpublished Book on Project Culture]. *Elektronnaya publikatsiya: Tsentri gumanitarnykh tekhnologiy* [Electronic Publication: Center for Humanitarian Technologies]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/2692> (accessed 06 January 2024) (in Russian).
- Genisaretskiy O.I. (1991) Ekologiya kul'tury. Teoreticheskie i proektnye problemy [Ecology of Culture: Theoretical and Project Issues]. Moscow: NIIK (in Russian).
- Genisaretskiy O.I. (1979) Vremennye kharakteristiki sredovogo povedeniya kak problema ekologicheskoy estetiki [Temporal Characteristics of Environmental Behavior as a Problem of Ecological Aesthetics]. *Tvorcheskie problemy dizayna* [Creative Problems of Design], Moscow: VNIITE, pp. 62–65 (in Russian).
- Haugen E. (1972) The Ecology of Language. Stanford: Stanford University Press.
- Kalabukhov D.A. (2007) Ekologiya kul'tury: kul'turno-antropologicheskie aspekty [Ecology of Culture: Cultural-Anthropological Aspects]. *Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoy stepeni k. filosof. n.* [Ph.D. thesis abstract in philosophy], Belgorod (in Russian).
- Kondakov I.V. (2021) Kul'turologiya i biologiya: sud'by kul'turnogo i prirodnoogo naslediya [Cultural Studies and Biology: The Fates of Cultural and Natural Heritage]. *V Rossiyskiy kul'turologicheskiy kongress s mezhdunarodnym uchastiem "Kul'turnoe nasledie—ot proshlogo k budushchemu": programma i tezisy dokladov* [V Russian Cultural Congress with International Participation “Cultural Heritage—From the Past to the Future”: Program and Abstracts of Reports. Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 8–10 November 2021. Saint Petersburg; Moscow: Institut Naslediya. pp. 32–33.
- Kondratyeva K.A. (2000) Dizayn i ekologiya kul'tury [Design and Ecology of Culture]. Moscow: MGKhPU im. S.G. Stroganova (in Russian).
- Kondratyeva K.A. (1993) Ekologiya kul'tury i problemy gumanizatsii dizaynerskogo proektirovaniya [Ecology of Culture and the Problems of Humanization in Design Planning]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora iskusstvovedeniya* [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Art Studies].
- Kozlov V.I. (1994) Etnicheskaya ekologiya. Stanovlenie distsipliny i istoriya problem [Ethnic Ecology: The Formation of the

- Discipline and the History of Problems]. Moscow: IEA RAS (in Russian).
- Kozlov V.I. (1983) Osnovnye problemy etnicheskoy ekologiy [Major Problems of Ethnic Ecology]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography], no 1, pp. 3–16 (in Russian).
- Kurashkina N.A. (2015) Ekolingvistika ili lingvoekologiya? terminologicheskaya dilemma mezhdistsiplinarnoy oblasti [Ecolinguistics or Linguoecology? A Terminological Dilemma of an Interdisciplinary Field]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no 1, pp. 142–153 (in Russian).
- Kuznetsova T.F. (2017) Kul'turnye konstanty i ekologiya kul'tury [Cultural Constants and Ecology of Culture]. *Znanie. Ponimaniye. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no 4, pp. 208–217 (in Russian).
- Lapina Z.G., Shilin K.I. (2007) Ekosofiya dukhovnoy kul'tury budushchego [Ecosophy of the Spiritual Culture of the Future]. Moscow: AIRO-XXI (in Russian).
- Lapina Z.G., Shilin K.I. (2010) Zhivoy universitet Yaponno-Rossii budushchego – garmoniya klimata planety (eko-kul'turologicheskie osnovaniya) [The Living University of Japan-Russia of the Future – Harmony of the Planet's Climate (Eco-Cultural Foundations)]. Part 2. Moscow: Probel-2000 (in Russian).
- Levit S.Ya. (1990) Ekologiya kul'tury. Nauchno-analiticheskiy obzor [Ecology of Culture: A Scientific-Analytical Review]. Moscow: INION (in Russian).
- Likhachev D.S. (2012) Ekologiya kul'tury [Ecology of Culture]. *Ekologiya i zhizn'* [Ecology and Life], no 6 (127), pp. 37–39 (in Russian).
- Likhachev D.S. (1985) Ekologiya kul'tury [Ecology of Culture]. *Proshloe – budushchemu: stat'i i ocheki* [The Past – to the Future: Articles and Essays], Leningrad: Nauka, pp. 49–63 (in Russian).
- Likhachev D.S. (1997) Kontseptosfera russkogo yazyka [The Conceptosphere of the Russian Language]. *Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian Philology. From the Theory of Philology to the Structure of Text]/ed. by V.P. Neroznak, Moscow: Academia, pp. 280–287 (in Russian).
- Likhachev D.S. (2000) Russkaya kul'tura [Russian Culture]. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Lipets E.Yu. (2017) Kul'turnaya ekologiya: sovremennyye aspekty issledovaniya etnicheskoy kul'tury [Cultural Ecology: Contemporary Aspects of Ethnic Culture Research]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], no 4, pp. 42–46 (in Russian).
- Perkiomaki M. (2021) Imagined Riverography of Late Twentieth-Century Russian Prose. *Academic Dissertation. Tampere University, Faculty of Information Technology and Communication Sciences*.
- Shefer Zh.-M. (2010) Konec chelovecheskoy isklyuchitelnosti [The End of Human Exceptionalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Semchuk E.V. (2019) Linvoekologiya kak mezhdistsiplinarnaya nauka [Linguoecology as an Interdisciplinary Science]. p. 1234. Available at: <https://moluch.ru/archive/63/9073/> (accessed 08 January 2024) (in Russian).
- Skovorodnikov A.P. (2019) O nekotorykh nereshennykh voprosakh lingvoekologii [On Some Unresolved Issues of Linguoecology]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no 5 (77), pp. 1–14 (in Russian).
- Stavitskaya E.A. (2014) Ekologiya kul'tury v otechestvennoy kul'turologicheskoy mysli [Ecology of Culture in Domestic Cultural Thought]. *Autoreferat diss. na soiskanie uchenoy stepeni k. filosof. n.* [Dissertation abstract for the degree of Candidate of Philosophy]. Moscow. (in Russian)
- Steward J.H. (1955) Theory of Cultural Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Champaign, IL: University of Illinois Press.
- Urbanaeva I.S. (1995) Chelovek u Baykala i mir Tsentral'noy Azii [A Man by Baikal and the World of Central Asia]. Ulan-Ude: BNC SO RAN (in Russian).
- Ustyugova E.N. (2013) Ekologiya kul'tury: grani problemy [Ecology of Culture: Facets of the Issue]. *Vestnik SPbGU* [St. Petersburg State University Bulletin], no 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-kultury-grani-problemy> (accessed 08 January 2024) (in Russian).
- Zapesotskiy A.S. (2007) Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva [Culturology of Dmitry Likhachev]. St. Petersburg: Nauka (in Russian).
- Zenkin S.N. (2012) Kul'turologiya prefiksov [Culturology of Prefixes]. *Raboty o teorii: Stat'i* [Works on Theory: Articles], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 137–147 (in Russian).